

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Юрий МОСКАЛЕНКО

ТАМ, ГДЕ НАС
НЕ ЖДУТ

Роман

Москва, 2018
САРМАЛА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М82

Серия основана в 2004 году
Выпуск 682

Художник
О. Бабкин

Москаленко Ю. Н.

М82 Там, где нас не ждут: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 345 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2781-9

Как поведет себя взрослый, состоявшийся человек в условиях нового неведомого мира? Его чувства, страхи, желания? А если это мир магии, и кровь льется как вино на пиру, и цена человеческой жизни там стоимостью в грош? А если еще учесть, что попал он туда в теле несмышленого мальчика? Как выживать ему в этом чужом и враждебном мире? Сумеет ли он воспользоваться шансом, который каждому дается в жизни, и доживет ли он до него?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Москаленко Ю. Н., 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2781-9

Часть первая

МЕМУАРЫ ПОСЛЕ РОЖДЕНИЯ

ГЛАВА 1

*Поселение Крайе. Северо-восточное побережье Тихого моря.
Империя Синг. Весна 7025 года*

«О боги, как хочется спать...» — зевая, подумал я. Затекшая правая рука противно ныла и колола кожу изнутри стайкой жалящих муравьев; дурная привычка — спать на боку, подложив под голову вместо подушки правую руку.

Приоткрыв глаза и не поднимая головы с предплечья, осмотрел открывающийся вид на вход в наш хилый шалаш. Часть хвойной подстилки, которую я соорудил себе вчера вечером, обрезав ветки елей ярдах в сорока от места нашей ночевки, выглядывала из-под куска овечьей шкуры, что стащил ночью у Хэрна. Преображающийся в свете восходящего весеннего солнца вход в шалаш будоражил воображение. Чуть-чуть фантазии — и я уже у входа в сказочную пещеру с драконами, сокровищами, приключениями, ну и с прекрасной принцессой, из собственных ручек угощающей меня великолепными яствами. В надежде обнаружить рядом с носом свалившийся, на счастье, хотя бы завтрак прикрыл глаза... Вкусно-то как! Попробуем! Не тут-то было: сдобная булка и молоко были лишь во сне... хотя вряд ли, мне практически никогда здесь не снятся сны. А жаль, какой был бы хороший сон и вкусный. Ну вот, опять хочу есть... а что тут удивительного — я всегда хочу есть: сколько себя помню, есть я хотел всегда. Всегда!

С залива потянул легкий бриз, принеся с собой запах гниющих морских водорослей. Крики чаек и бакланов раздавались неотчетливо и тоскливо. До моря лиги три — три с половиной; интересный факт — моря не видно, чаек тоже, а крики их слышны. Странно!

«О боги, как хочется есть...» — подумал я. Затекаящая правая рука все так же ныла и колола кожу, но оторвать голову от своеобразной подушки было выше моих сил; гадство, болит-то как, а голову поднять лень, тем более — повернуться или встать. Ну да, как в том анекдоте про кота, который выиграл спор, кто самый ленивый.

Встать неохота, и вокруг какое-то умиротворение, тишь да благодать. Странно: почему тихо, если рядом должна быть отара овец — хоть и небольшая, голов тридцать, но все-таки... И собаки!

Приподнял голову, прислушался. Ничего — ни блеяния, ни рычания, ни лая. Лишь шуршание листвы в верхушках деревьев, потревоженных утренним бризом. Даже постоянного ворчания Хэрна не слышится. Наверное, Хэрн погнал овец к ручью на водопой. Да, но почему не разбудил меня? Пожалел? Вряд ли — еще тот вредина! Уж чем-чем, а человеколюбием не страдает и работу, даже свою, всегда норовит скинуть на других.

Надо встать, приготовить завтрак, самому поесть и эту скотину Хэрна накормить.

— Да, надо встать! — чтобы подбодрить себя, громко произнес я и с наслаждением повернулся на спину, раскинув в стороны руки.

«А вот дудки: надо пользоваться возможностью просто так поваляться утречком, побалдеть и помечтать. А завтрак — ну что завтрак? — подождет, и поболее голодали, потерпим, а вот возможность понежиться, пусть и не на мягкой перине, дорогого стоит, особенно теперь, в этой жизни.

Да-да, в *этой* жизни, а ведь была и *та*! Боже, как давно это было... и было ли вообще? Иногда мне кажется, что воспоминания о себе прежнем — это плод моего буйного воображения и моя история — полный бред, а сам я смотрю спектакль с собой в главной роли как зритель, будто все происходящее меня никоим образом не касается. Кажется, что скоро опустится занавес, зрители овациями проводят артистов, а мы с женой, получив в гардеробе пальто и шубу, не спеша побредем к автомобилю на парковке, весело обсуждая перипетии спектакля, с удовольствием вспоминая особо понравившиеся моменты. Или это кошмарный сон, где я попал в тело малолетнего парнишки, и голод, унижения, постоянные стычки — это просто

образы в мозгу, навеянные безмерным количеством прочитанных книг.

Но, увы, занавес до сих пор так и не упал, и просыпаюсь я весь последний год с постоянным чувством голода, боязнью неизбежных драк и огромным желанием жить (а на данный момент — просто выжить).

Зовут меня теперь Гури, мне около двенадцати лет, точнее сложно определить. Худой и маленький ростом. Прыщ — мое местное прозвище, и никто, кроме доброй госпожи Кларен, нашей лучшей стряпухи, меня по имени не зовет. На вид по возрасту мне дают еще меньше. Вечно грязный, с постоянным голодным блеском темно-коричневых, почти черных глаз, взъерошенными волосами, похожими на солому и цветом, и на ощупь (которые раз в месяц остригает Хэрн ножницами для стрижки овец), и правильным, я бы даже сказал, аристократическим носом (предметом вечной зависти моих недругов и наипервейшей целью для них в частых драках). Утонченные черты лица с постоянной усмешкой на губах, что еще больше бесит моих недругов, их друзей и их родителей.

«Эльфенок» — то есть полукровка, или попросту ублюдок. Как только ни изгаляются мои кровники, чтобы меня оскорбить! А если учесть то отношение, которое испытывают местные к эльфам и тем, что с ними связано, то худшего оскорбления придумать просто невозможно. Ну не любят тут нелюдь, и в особенности перворожденных, и не просто не любят, а стойко, яростно ненавидят всеми фибрами души. И, надо признать честно, есть за что. Даже к тем же оркам или гоблинам отношение ровное, а вот гномы и особенно эльфы... Хотя я и не похож на нелюдь и во мне, надеюсь, нет примеси древней крови, но из-за происков моих врагов очень часто мне достается, так сказать, за эльфов вообще.

Гады! Не жизнь, а сказка — правда, страшная. Не любят меня здешние жители: я не местный, я не макр. Если взрослое население относится ко мне безразлично, пока трезвое (кто же откажется навеселе поколотить «эльфа»), то со шпаной мелкой, моими ровесниками, и теми, кто постарше — война идет нешуточная, на уничтожение. И хотя я один, маленький, плюгавенький, часто бывающий битым большим количеством противников, но победы эти не даются выигравшей стороне легко. Мои маленькие костлявые кулачки не один нос противника свернули набок, хотя, сколько бы я ни проиграл битв и

сражений, мой аристократический нос имел до сих пор первоначальный вид и непоправимым повреждениям не подвергался. Кроме того, в драке я пускал в ход всё — руки, ноги, голову, — бил всем, и бил так жестко, как только мог; бил так, как меня учили друзья, поэтому в последнее время менее чем втроем недруги ко мне не цеплялись...

Я потер рукой ушибленное правое плечо. Учебный меч почти ничем не отличается от настоящего: длина, вес — все такое же, только деревянный. Вот им мне сейчас и прилетело.

Макры — народ неумный, раньше живший разбоем и грабежами, теперь немного... оцивилизованный, что ли. Лет двести назад местные лорды, уставшие от бесконечных боестолкновений с воинственными соседями и непрекращающихся грабежей, чтобы защитить свои владения и прекратить разбой, объединили свои дружины и зашли в леса, где обитали макры, для приструнения зарвавшихся.

Увы, но вышли — вернее, выбежали обратно — единицы, в их числе и будущий первый герцог Империи, на земле потомков которого теперь живет этот достойный народ. А что делать — договорились. Макры живут теперь сами по себе, по своим законам, находясь у себя дома, а на территории Империи являются свободными гражданами, пользуясь правами благородного сословия, но не являясь им. За это они обязаны при угрозе внешней агрессии предоставить ополчение, куда входит все взрослое население от шестнадцати лет и старше. Но это только при угрозе извне: во внутренние разборки аристократов и благородных макры ввязываются самостоятельно на свой страх и риск как простые наемники. Платят им за это хорошо, и ничего удивительного, что военному делу учат маленьких макров чуть ли не с пеленок. Вот и в наше противостояние неожиданно вмешалось оружие, пусть и деревянное, но от этого не менее эффективное.

Небольшое отступление: на землях макров отсутствует рабство, и нет чего-то вроде крепостного права. Все те, кому совет старейшин разрешил находиться на территориях Этрука (так называются земли, где эти благородные потомки разбойников живут своими кланами, которых, между прочим, насчитывается аж двадцать пять), живут свободными. Сами добывают себе на хлеб, сами воспитывают детей, сами решают свои проблемы, сами умирают: если, конечно, не нарушают немногочисленные законы макров — вернее сказать, даже не

законы, а обычаи, устои, общепринятые нормы поведения. Их немного, но за нарушение их обычное наказание — смерть.

Я не макр, но я свободный. Кормлю себя сам, работаю для этого наравне со всеми, могу себя защищать и даже могу иметь оружие, но быть макром и пользоваться их привилегиями на остальной территории Империи я не могу. Стоит мне только покинуть Этрук — и любой благородный может объявить меня своим рабом или крепостным, что в принципе одно и то же. Все различие между рабом и крепостным состоит в том, что хозяин за убийство крепостного должен заплатить что-то вроде штрафа наместнику императора, как за самого крепостного, так и за возможных его потомков. Как мне рассказывали, сумма выходит изрядная, равная примерно стоимости двух-трех хороших рабов. А во всем остальном особой разницы нет. Я спрашивал Хэрна, есть ли какая-нибудь страна, где не существует рабства, на что он пожал плечами и ответил:

— Надеюсь!

Вот так.

Этот мир местные называют Кервин, живем мы в империи Синг. А больше информации нам не дают — не положено малышне интересоваться политикой, не доросли еще. Со мной не особо-то и разговаривают, я тут никто и зовут меня никак. Я даже не знаю... вернее, усиленно делаю вид, что не знаю имя монарха, кто правит в Империи, как зовут герцога, кто у макров полевой генерал, а кто верховный волхв. Как мне один раз объяснил Хэрн — тебя у макров касается только то, что тебя касается, а большего не надо. Мал еще.

А информация нужна, без нее выживать очень сложно. Вот и с мечом ситуация хреновая из-за отсутствия ее родной, инфы: знал бы я, что у этого ханурика Эдса брат вернулся с караваном — не кричал бы ему на всю улицу, что он трусливый хорек... а тут паренек из соседнего дома выходит. Споко-о-ойно так выходит, я и не обратил особого внимания. Пока боковым зрением не заметил замах чем-то, только успел приподнять правое плечо и вжать голову. Сволочь этот его братан. Без предупреждения, молча, без единого звука — бац мечом. Решил мне по шее дать, за оскорбление родственничка, а ведь, гад, старше меня почти на десять лет. Он с тренировки от соседа выходил, еще хорошо, что учебный меч, а если бы боевой? Пришлось дать деру, а так ведь мог и убить. И вряд ли

ему что-нибудь за это было бы. У него железное оправдание — прилюдное оскорбление родственника, а то, что обидчик и обиженный — это дети, и этот его родственник по отношению ко мне вытворяет еще и не такое, думаю, никого волновать не стало бы. Одним словом, я не они, я — не макр.

А, собственно, кто я?

В прошлом, вернее сказать, в прошлой жизни, там, на родной земле — жизнерадостный, неунывающий военный пенсионер. Муж, отец двоих детей, успевший стать дедушкой, уроженец города Владивостока, сын военнослужащего, в силу этого в детстве объездивший вместе с отцом весь Дальний Восток. Окончивший десятилетку поселка Буревестник на острове Итуруп, Курильской гряды, затем Уссурийское ВВАКУ. Потом служба, горящий Кавказ, а дальше — пенсия, родной Владивосток, полковничьи погоны запаса и постоянная нехватка денег — на пенсию-то особо не разгуляешься... Даже на зоне успел побывать: полтора года вычеркнутой жизни — хотя та еще школа. 39-я колония под Спасском-Дальним — клоака страшная, но бывалые называли ее «детсад», и честно скажу: им — верю. Но не будем о печальном.

И дернул меня черт совершить незабываемое путешествие с целью личного обогащения в поселок Восток, что находится на севере Приморского края. Нет чтобы, как все нормальные люди, проехаться на личном автомобиле японского производства каких-то 480 километров по российской дороге проселочного типа, так надо же выделаться, идиоту — самолет ему подавай, и не простой, а типа «кукурузник». Я хоть и прослужил двадцать пять лет в авиации, но как он обзывается — У-2 или ПО-2, не в курсе. Еще и однокашник по училищу, Олежка «Шлоп», внес свою лепту:

— Не дрефь, Юрок, все будет чин чинарем: проскочим туда-обратно — и не заметишь. Двести граммов коньячку перед взлетом и посадкой — и никакая болтанка да ямы воздушные не страшны. Да здравствует малая авиация!

Мне бы, дураку, вспомнить свои ночные кошмары, которые мучили меня лет так двадцать назад: будто лечу я на таком вот маленьком самолетике в качестве пассажира, а он возьми и начни падать. И долго так падал, и было ужасно страшно от безысходности и невозможности влиять на этот кошмар. Так и просыпался перед самой встречей с землей в холодном поту, диким криком будя жену и детей. И придя на

аэродром под Дальнереченском, видя состояние нашей малой авиации, в лице древних бипланов, мне бы задуматься, но, увы, ударная доза коньяка благополучно загружена в организм, а дальше — море по колено. Сели в самолет, а там — «За взлет!» стопарик, «За летуна!» стопарик, и так далее. В общем, я отрубился.

Ну а теперь кто я в этом мире?!

ГЛАВА 2

*Где-то далеко от побережья Тихого моря. Империя Синг.
Лето 7024 года*

День первый

Пробуждение было страшным! Сначала вернулся слух. Нет, лучше бы он не возвращался! Крики боли и отчаяния ворвались в мозг, как визг буравчика зубодробительной машинки у стоматолога. Металлический лязг, глухие и звонкие удары, возгласы и стенания, мольбы о помощи или о пощаде — все перемешалось в сплошной непрерывный гул. Самое интересное, что я не понимал ни слова из того, что кто-то кричал, все воспринималось на уровне интонации, выплеска эмоций и, возможно, инстинкта самосохранения. Язык, который слышался, был мне неизвестен.

Однако!..

Я плохо чувствовал свое тело, сильно болела голова, меня мутило — вот-вот грозя вывернуть наизнанку, и зверски хотелось плакать. Плакать! — и это в мои-то неполные пятьдесят лет...

Какого... здесь происходит?

«Мы падаем!» — осенило меня, но звучащие вокруг удары, крики многих людей больше похожи на бой. Да и чувство невесомости, когда падаешь с высоты, сейчас отсутствует. Под спиной камни с кулак и вроде как трава.

«На земле лежу», — сделал вывод я.

Попробовал пошевелить пальцами рук — получилось, под ладонями трава; сжал кулаки — жесткая, клочок вырвать не могу... или так ослаб.

Почему так много голосов, шум, крики? Наверное, упали в населенном пункте, разрушили какое-то здание, все загоре-

лось или загорится, у нас же авиационный бензин! Мама, ва-
лить отсюда надо, а то бабахнет!..

Не успел додумать, как совсем рядом раздался взрыв.

Все, поздно... сторю к чертям собачьим! Надо выбираться...
но для начала неплохо бы открыть глаза, и в темпе, а то вот и
горелым запахло, притом горелым мясом! Боже!..

Открываю глаза, и что я вижу? А ничего — темная пелена
и неясные блики света, как мерцающие звезды.

— Ослеп!.. — в ужасе закричал я.

Что за чертовщина: голос-то мой — вовсе и не мой. Тонень-
кий, слабенький, детский. Детский!

Так, спокойно, спокойно! Успокойся и подумай. Голосок
тоненький, ручки слабенькие, тяжелым себя не ощущаю, ну
не сто двадцать кило — это точно. Плохо себя чувствую, му-
тит, да и плачу уже давно от жуткого страха и, наверное, силь-
но испугался. А чего испугался? Я давно не пугался, да и не
плакал так душевно, с надрывом. Странно.

А у меня ничего не сломано? Ноги двигаются? Меня, слу-
чаем, не парализовало?

С испугу задергался всем телом, подскочил, встал на чет-
вереньки, рукой провел по голове. Блин, на меня кто-то что-то
накинул, какую-то тряпку из плотной ткани, очень похожей
на джинсу.

«Вот почему я ничего со страху не видел!» — обрадовался
я. Осознание того, что я не ослеп, так ошастливило, что даже
рыдать перестал.

Скинул с головы тряпку — и остолбенел!

Шок — это по-нашему!

Я стоял на коленках под деревянной «колхозной» телегой,
причем большие колеса были тоже полностью деревянные.
Вокруг сумерки и грандиозная драка. Длинная вереница из
телег и кибиток, таких как в кино про цыган показывали, и во-
круг них идет яростная рубка. Да-да, именно рубка: мелькают
большие топоры, их я различил довольно отчетливо, и не-
большие, примерно с метр, металлические полоски, наверное,
сабли или мечи. Человек тридцать-сорок с остервенением му-
тузят друг друга, выкрикивая непонятные слова, наполнен-
ные дикой злобой. Люди одеты не понять во что, какие-то ба-
лахоны, а поверху отсвечивает металлическим... да неужто
кольчуги или латы? Ну и дела!

С ужасом я рассмотрел лежащих вокруг телег людей в разных позах, некоторые из них кричали от боли и звали на помощь.

Метрах в двух от меня пытался встать детина, широкий как шкаф, что-то бубня себе под нос; его мотало из стороны в сторону. Меня вырвало — у него по локоть не было руки, и из обрубка хлестала кровь. Я оглянулся назад: картина та же, плюс к ней — соседняя телега весело разгорается ярким пламенем. На фоне зарождающегося зарева отчетливо видно безвольно свисающую с телеги человеческую фигуру.

Месиво из мертвых людей: разрубленных, с отрубленными конечностями, обезглавленных, обгорелых и обугленных... Картина не для слабонервных. Я чувствовал, что волосы стоят дыбом, меня сильно трясло, зубы отбивали чечетку.

Меня вырвало, и после того, как я опорожнил желудок, вязкая слюна текла изо рта на подбородок. Тряпка, которую от испытанного шока стащил с головы и зажал в руке, пригодилась. Поднес к лицу, чтобы вытереть рот — и второй раз оттолбенел. Теперь уже не от вида крови и бойни.

Рука — не моя! Маленькая, тонкая, детская.

—А-а-а! — истошный крик вырвался из моего горла.

Беспамятство...

ГЛАВА 3

Второе пробуждение было похоже на первое почти один в один. Шум, крики, стоны. Непонятные шлепки и глухие удары. Открывать глаза я не спешил, хотя, наверное, можно — свет через веки не бьет, темно; похоже, наступила ночь. Полежу, подумаю.

Вылетал на самолете. Выпил, заснул, а очнулся — где? Вернее, в чем или в чьем теле? Где мое? А то, что я не у себя, это даже лежа с закрытыми глазами понимаю. Вот звучащую отовсюду речь — не понимаю; к тому же у нас поздняя осень, а тут лежу на земле ночью — и не замерз... даже, я бы сказал, жарко, вернее, душно.

Доносящиеся с разных сторон крики и стоны начали навевать определенные ассоциации.

Ба-а! Да у нас теперь пьянка и, похоже, что оргия. Ну-ка, ну-ка...

Приоткрываю глаза, аккуратно, чтобы, если кто плохой рядом, не заметил, что я очнулся.

Так, и что мы имеем? Особо ничего не разглядеть.

Немного приподнимаю голову: ага, нахожусь на том же самом месте. Телега сзади, видно, прогорела, так как отблесков огня не видно, а вот дым и характерное зловоние горелого мяса присутствует. Но пока терпимо. Света от разведенных костров, расположенных метрах в двадцати от меня и друг от друга, едва достаточно, чтобы рассмотреть удручающую картину.

Победители веселятся, гуляют и развлекаются. От костров слышатся смех, песни и пьяные разборки и споры. Немного в стороне от костров пьяные уроды насилуют женщин. Все поставлено на поток — один закончил, тут же пристраивается следующий. Стоны — надрывные, крики — отчаянные.

Уроды!.. Мне бы пулемет — покрошил бы всех!

Видно плохо, и детали различить не могу, не могу рассмотреть даже лиц победителей. По росту видно, что здоровенные бугаи, голоса грубые, речь каркающая. Но попадаются и совсем мелкие, я думал, что дети, но нет, вино или что там у них хлещут не хуже здоровяков, а вот к женщинам их почему-то не допускают. Слева девчонка перешла на сплошной крик, меня аж до костей пробрало. А эти уроды смеются и, видно, репликами подбадривают любителей жесткача. Присмотрелся к одному из костров — как раз ветер подул с моей стороны...

Господи!..

На вертеле над костром — маленькое человеческое тело, видимо, ребенок. Это каннибалы.

Спазм в горле, опускаю голову. Продышаться.

Валить отсюда надо, и притом в темпе. Сожрут ведь, гады, и пожить не успею. Можно сказать, только начал, а тут сразу и конец... Да-а! Бежать надо, а как? Двадцать метров — это не расстояние, заметят — и все. Но и ждать бесконечно нельзя. Прикончат.

Вдруг где-то рядом, сбоку, раздался истошный крик. Громкий, истерический, тонкий.

Да что же это такое делается?!

Немного привстав на локте, повернул голову в сторону, откуда раздался крик.

Ублюдки, ребенка, парнишку-то зачем? Вам что, девок для этого мало?... хотя и девчонок-то зачем так?..

И снова волосы дыбом.

Это что же, меня тоже такое ждет?

Спокойно, сорвешься — ты точно труп. Надо уходить, никто не поможет, но как? Огнестрельного оружия нет, а с этим железом я делать ничего не умею, да если бы и умел, то не смог бы, силы не те.

Полежал без движения еще с полчаса, притворившись, что без сознания. Мимо шустрили мелкие из числа победителей. Осматривали телеги, собирали добычу, складывали найденное добро возле одного из костров. До моей телеги очередь дошла минут через двадцать, видно, была она в очереди на досмотр в самом конце.

Маленький пигмей, ростом чуть выше меня теперешнего, что-то подвывая себе под нос, копошился в телеге, извлекая всякое барахло, рассматривал, а потом кидал себе под ноги.

Прикрыв глаза, я со страхом и сильным нервным напряжением следил за этим непонятым субъектом. Он не очень похож на человека. Туловище, руки, ноги — да, а вот голова...

Уши торчком похожи на волчьи, морда вытянутая, клыки, немного выступающие за верхнюю губу, глаза круглые, как у поросенка, щечки розовенькие с ямочками, прямо красна девица. Короче, экземпляр.

Куда я попал? Дикий страх буквально парализовал меня. Я еще понимаю, людоеды — может, мяса здесь не хватает, с животным белком напряг, религия заставляет... но такое...

Между тем чудик окончил осмотр, нагнул за отобранной добычей и увидел меня, «бездыханного». Пауза немного затянулась.

Поднимет крик, что нашел еще одного маленького, — и мне точно хана!

Эта сволочь поозиралась, покрутила головой по сторонам, прикидывая что-то в уме: видимо, у него созрел какой-то план насчет меня, аж слюна потекла изо рта.

Сильно, гад, обрадовался...

Я лежал тихо, боясь пошевелиться, от жуткого страха бросило в озноб. Сбросив барахло кучей так, чтобы закрывало меня со стороны костров, мелкий негодник не спеша обошел телегу, наклонился, схватил мои руки за запястья и тихонечко, крадучись, потащил в сторону леса... Да, я вам скажу, ощущения не из приятных — собрать на голову столько шишек за раз. Я готов был загрызть носильщика, вернее сказать, воло-

чильщика, но терпел, надеясь, что этот индивидуум оттащит меня подальше от веселой компании. Похоже, он и сам боялся своих старших товарищей: забрал у них свежее, вкусное, молодое мясо... и потому с усердием, немного увеличив скорость, тащил меня в одном ему известном направлении.

Пока я «ехал», успел рассмотреть местное ночное небо. Оно было затянуто облаками или тучами, луна на небосводе отсутствовала, звездную карту составить и сверить с земной я не смог. Будем надеяться, что повезет и я увижу местные звезды.

Пропахал я за своим «трактором» в качестве плуга метров сто, не меньше, и стоянку этот гад нашел хорошую. Дно небольшого сухого оврага, песчаное и довольно ровное. Между тем мой похититель остановился, довольно хрюкнув себе под нос, отпустил мои руки, уселся рядом отдохнуть и принялся раздеваться, скидывая с себя амуницию, оружие, а следом и одежду.

Я медленно сатанел. Этот ушастый собирался мной позабавиться. Видимо, он меня абсолютно не боялся: поворачивался спиной, раскидал вещи и амуницию вокруг стоянки. Оружие, правда, откинул в сторону, оставив себе большой тесак. Все это время я лихорадочно думал, как вылезти из этой анекдотичной, но совсем не смешной ситуации. Если эта мразь меня свяжет — то всё. Бросаться на него сейчас бесполезно. Он наверняка намного превосходит меня в силе и опыте. Он воин, хоть и маленького роста, но жилистый и выносливый. Что же делать? Всплеск отчаяния на мгновение захватил меня, и я дернулся. Реакция у этого хорька поразительная: он резко подскочил, в движении развернув корпус, одной рукой прижал тесак к моему горлу, а другой схватил за шиворот.

— Кара тарм парам? — прокрякала эта морда мне в лицо, при этом чуть встряхнув за загривок.

— Слышь ты, обезьяна: аккуратней, убьешь ведь ненароком... — чтобы не молчать, полузадушенно промычал я в ответ; ведь будешь молчать совсем — озверееет точно.

Мой ответ его смутил, даже в темноте было видно, как выкатил он глаза.

— Кар пара пап?.. — удивленно проблеял он.

На этот вопрос я просто пожал плечами.

Хватка ослабла, а затем и нож этот индюк убрал от моей шеи.

Гад, он начал меня лапать, то нежно проводя ладонями по лицу, то пытаясь перевернуть на спину, щипал за зад.

Убью, тварь... дай только шанс — на ремни порежу.

Парень решил форсировать события. Отстранившись от меня, придерживая правой рукой меня за плечо, принялся стягивать правый сапог, помогая одновременно левой ногой и левой рукой. Эквилибрист, блин, так раскорячился, уму непостижимо. Снял гад, все-таки сапог, но откидывать в сторону не стал. Оставил тут же около себя и принялся снимать левый. Левый сапог упирался как мог, и битву за снятие выигрывал всухую. Этот балбес начал психовать, ругаться на своем языке и, в конце концов решив, что никуда я денусь, отпустил мое плечо, свою лапу отправив на битву с сапогом.

Я очень надеялся, что мне попался настоящий воин, и небольшой рост заставляет его использовать любое метательное оружие, и чем такого больше, тем лучше. Многие воины использовали сапоги в качестве хранения дополнительных ножей. На Руси, в древности, такой нож назывался засапожник.

«Любовничек» все воевал с сапогом. Ей-богу, если грохну этого гада, сапоги расцелую. Улучив момент, когда вражина отвлёкся и не обращал на меня никакого внимания, я осторожно придвинулся к одиноко лежащему предмету обуви и засунул в него руку.

Есть!

Я никогда не был так счастлив. Вытащил руку — великолепный, хоть и неказистый, но такой нужный нож, небольшой — сантиметров десять.

Я вооружен. Да, но куда бить и как? Я не здоровый мужик, и силы, чтобы вогнать это произведение искусства неизвестного мастера в накачанное тело воина, у меня просто нет. Что делать, что?

Крик ликования раздался слева по соседству. Повернув голову, это чудо радостно рассматривало меня, предвкушающе облизываясь и при этом энергично скидывая штаны.

Невтерпеж бедняге, надо успеть использовать последний аргумент, а то черт знает, чего от него можно ждать?

Бедолага вскочил на ноги как наскипидаренный, схватил меня за шиворот, ловкой подсечкой поставил на колени и попытался придвинуть мою голову к своему стручку.

— Отрежу на хрен и засуну тебе в рот! — в бешенстве прокричал я, отвлекая его внимание от положения моих рук и пытаюсь незаметно вытащить из-под колена нож.

При этом моя голова находилась чуть ниже его вздыбленного члена. Увидав это, он расставил ноги пошире, чуть присев, и запрокинул голову назад, приготовившись получать райское наслаждение.

— На, любитель сладенького, получи!

Взявшись за рукоять ножа двумя руками, резким движением снизу вверх вогнал лезвие точно под яички, одновременно резко упав на правый бок.

— А-а-а! — дикий крик сверху музыкой отозвался в моих ушах.

Горе-любовник немного постоял, потом упал на колени, постоянно подвывая, а затем завалился в мою сторону, я еле успел откатиться. Смотреть на него было одновременно и страшно, и радостно. Мысль о том, что и я бы через некоторое время вот так же орал, вызывала целую волну неприятных мурашек по телу...

Все это лирика, а вот валить отсюда надо как можно скорее и кончать эту гниду — тоже. Он один видел меня и может все рассказать тем, кто его найдет. Я надеялся, что его громкий крик потонул в том гвалте, что творится на стоянке с остатками каравана. А мне надо действовать.

Прислушался, не идет ли кто в нашем направлении. Ну не разведчик я и определять по шорохам ночного леса передвижение по нему людей не умел ни раньше, ни теперь. Да и шум, доносившийся со стоянки, заглушал все остальное, гулянка была в полном разгаре, крики и стоны жертв пробирали до костей. Сбросив оцепенение, я двинулся к вещам, мило представленным моим воздыхателем, который в данный момент был себе в сторонке.

Присев рядом с вещами, задумался...

Куда я попал — непонятно. Обмозговывать это времени особо не было: выплеск адреналина, шок от всего происходящего, по сути, первое убийство собственными руками не оставили места лишним мыслям. Стоящая перед глазами картина вертела над костром мгновенно подняла волосы дыбом. Ладно, хватит мандражировать, пора уносить ноги. А в ночном лесу это делать — еще то удовольствие. Я никогда ранее не шлялся по ночным лесам без фонарика или факела, да и с ни-

ми тоже. Но надо уйти отсюда в любую сторону, и желательно подальше.

Итак, что мы имеем?

Малец метр с кепкой, худенький, щуплый, одет в какой-то мешок с дыркой для головы и с длинными рукавами, материал на ощупь — простая мешковина. Штаны широкие (наверное, шили на вырост) с веревочкой вместо ремня, ноги босые.

Что мы имеем от нашего сердечного друга?

Кожаная безрукавка, выделка неплохая, штаны тоже кожаные, но поплотнее будут, поглубже, рубашка типа испанка... воняет, правда, от нее. Потер пальцами: ну не текстильщик я, но вроде типа шелка или качественного хлопка, а откуда он здесь? Из нижнего белья — панталоны, смешные, на завязках: была бы другая ситуация — поугорал бы. Ремень классный, широкий, с массивной бляшкой, с какими-то небольшими кармашками и отделами, и в них что-то лежит. Так, дальше; отдельно лежит то ли рюкзак, то ли заплечный мешок. Я попробовал его приподнять — ну так, тяжеленький, копаться в нем ни времени, ни желания нет. Позже. Из оружия топорик вроде томагавка, чуть больше домашних кухонных топориков, и даже не один, а два: видимо, они за пояс затыкались. Пустые ножны от тесака, коим мне чуть голову не отпилили.

Так, а это что? Какие-то веревочки, ремешочки...

Подтянул к себе.

Ого! Перевязь метательных ножей, коих там аж четыре штуки.

Ну, пока неплохо.

Да, а где же мои обожаемые сапоги, я ведь обещал расцеловать и облизать их, роденькие... Вскочив на ноги, бросился в сторону подвываний и стенаний. Но остановился как вкопанный.

А ведь надо добить, и сделать это обязательно. Смогу ли я хладнокровно его прирезать? Я прежний — смог бы, и легко, а теперь?

Но доносившиеся со стоянки крики боли и отчаяния придали решительности, и наступило злое спокойствие.

Да он такая же скотина, как и они. Что бы он со мной сделал? Меня передернуло.

Подобрав сапоги, нежно их погладил, каждый поцеловал, засунул руку в голенище левого сапога... ага, тут и брат-близнец моего спасителя. Вернулся к вещам.

Надо на что-то решаться, слишком много времени прошло. Несмело поднял топорик.

Тяжеленький, ну, может, с килограмм, даже меньше. Махать им мне неудобно, а дело делать надо. Нерешительно, маленькими шажками, поплелся к месту преступления.

Жертва собственной педофилии лежала на правом боку, поджав к животу колени и обхватив их руками. Он тихонько выл на одной ноте, и даже при таком освещении видно было, что его колотит. Страх сковал меня, я остановился и боялся пошевелиться.

Может, пусть сам загнется? Да, а утром орать начнет, его найдут, а потом и тебя. Сейчас пожалеешь его, потом тебя жалеть не будет никто, съедят, и не подавятся. Ну же, давай, это как с парашютом прыгать, главное — сделать первый шаг.

Вдруг со стоянки каравана раздался очень громкий женский крик и следом за ним — раскаты смеха нескольких луже-ных глоток.

Уроды... Я стоял спокойный как удав. Только ярость бурлила внутри меня, как вулкан, грозясь разорвать. Взявшись поудобнее за топориче двумя руками, я аккуратно приблизился к цели.

Бить надо по шее, резко и главное точно, иначе крик — а он тогда точно будет — могут и услышать.

Встав сзади несчастного, в шаге от его головы, глубоко вздохнул, примерился, почти касаясь лезвием топора шеи.

«Сейчас или никогда».

Поднял топор. Напрягся — и резко, со всей силы, опустил. Раздался противный чавкающий звук, бедолага захрипел, задергался... я выпустил топориче и отпрыгнул назад.

Руки тряслись, ноги не держали, и я опустился на землю. Агония длилась долго. Несчастный хрипел, дергался, выгибался то в одну, то в другую сторону.

Видно, перебил ему трахею, иначе вся округа поднялась бы от его диких криков. Точно за сегодняшнюю ночь поседею. Добить бы его, но уже не смогу. Надо оставлять все как есть и уходить, или будет поздно.

Поднявшись на ноги, побрел за вещами. Ну, посмотрим, подойдет ли мне это барахло. Скинув мешковину, оцупал себя, заново знакомясь.

Так, малец совсем, кожа да кости, лет мальцу от силы двенадцать-четырнадцать. Кто его знает, чем он питался все это время... пока я в нем не поселился.

Ладно, приступим к обновкам, то есть обноскам.

Рубашка мне понравилась, постирать бы ее только, панталоны, как и рубашка, выглядели парусами. Но ремень подошел идеально, прижал хорошо и рубашку, и штаны; сверху жилетка — ну испанец вылитый!

Рассветет — налюбуюсь, если жив останусь. Сапоги оказались чуть больше по размеру, носков нет, портянок тоже.

Погоди, двадцать пять лет в армии и портянки не сделаю?! Момент...

Взяв снятые штаны, примерил по ноге, достал засапожничек. Чик-чик — в руках остались одна штанина и две неровных тряпки. Попробуем их в качестве портянок, лишь бы ноги не стереть. Мастерски намотав портянку, сунул левую ногу в сапог.

Недурно. Как влитая, и удобно. Прodelал подобные манипуляции со второй ногой. Отлично, не все так плохо, как кажется!

Теперь оружие. Топорик за пояс, ножик в сапог; а ничего, удобно. Перевязь сейчас не осилю, в мешок надо убрать. А я его подниму? Ладно, попробую. Пустые ножны... Выкинуть их, что ли? Да пояс снимать не хочется. Пойду, наверное, заберу.

Пойду!.. Да тут идти-то — три метра, вон и жертва, похоже, затихла, точно околочурился.

Жмурик не дышал, не шевелился, в общем, не подавал никаких признаков жизни.

— Ну, поздравляю тебя с «первым», счет открыт! — подбодрил я сам себя.

Жутковато, и подходить страшно, а вдруг тут трупы ожидают?

Так, не накручивать себя... такое воображение до добра не доведет.

Осторожно подошел к трупу. Где-то должен валяться тесак... не смотреть на этого гада... А крови-то сколько!.. Точно сам бы сдох, и зачем я пачкался... вот и тесачок: здоровенький, сантиметров двадцать пять будет, вместо меча сгодится; в крайнем случае будет чем зарезаться.

Топорик торчит, да и засапожник второй жалко...

Так, тут не барахолка. В ста метрах куча ублюдков развлекается, а я: «жалко — не жалко»... Думать быстрее надо: брать — бери, нет — беги».

Жаба душила страшно. Но подходить и трогать труп не хотелось до жути.

«Ну же, быстрее!» — подтолкнул себя таким образом. И, набравшись храбрости, наклонился над беднягой.

— Да у него же глаза открыты, почти навывкате! — чуть не заголосил я и отпрыгнул назад. — Дурень... он мертв, просто глаза закрыть забыл.

Успокоившись, приблизился к трупу со стороны, откуда наносил удар. Топорище торчало вверх и, кажется, запачкано не было. Осторожно взялся за рукоятку и потянул на себя.

Мертвец начал поворачивать голову... Мои волосы, в который раз за сегодняшнюю ночь, встали дыбом, холодный пот прошиб все тело, я почувствовал — еще немного, и упаду.

«Баран... я же тяну топор, вот он и шевелится!» — дошло до меня, но легче от этого не стало. Резко подергал топорище вниз-вверх — всё, освобонилось.

Аж от сердца отлегло. Ну и стрессы на старости лет... Хотя какая старость? Тебе лет четырнадцать, понял? Радуйся.

Оттереть бы топор... Где наши распоротые штанишки?.. Вот они! Приступим! Вторая штанина отлетела. Нет, я, конечно, не брезгливый, крови особо не боюсь, и прополоскало меня сегодня изрядно, но прикасаться к лезвию тряпкой — пришлось себя заставить.

— А это что такое? — За обух топора зацепилась цепочка с кулоном. — Интересненько! На шее у него была.

Взял кулон, начал легонько протирать тряпкой, боясь попортить. Цепочка порвалась, наверное, во время удара. Длинной цепь сантиметров тридцать пять, кулон каплевидной формы, ни цвета, ни материала, из чего он сделан, в темноте не видно. Потом разберусь, а пока пусть на «рюкзаке» полежит. Разделив остатки штанины на две половины, одну сунул за пояс, второй продолжил вытирать топорик.

А ничего так томагавк. Точно индейцем заделаюсь. Да, но они вроде их метали, а ты мясо рубишь, как на скотобойне.

Присмотрелся — вроде чистый, хотя в такой темноте не очень-то и рассмотришь... запахнул его за пояс. Ну что, за ножиком? Может, тоже что-нибудь зацепится?

Жертва так и лежала, поджав колени к животу.

Подошел, глянул, рассмотреть особо ничего не смог, а вот запах...

Да он ведь обгадился! И что теперь? Нож, наверное, весь в дерьме... Ну, коль начал, то заканчивай.

Зажав нос пальцами правой руки, левой рукой выдернул тряпку из-за пояса, наклонился, обхватил тряпкой рукоять ножа и резко дернул на себя. Опять этот противный чмокающий звук... я сразу отскочил назад: вдруг кровь или дерьмо попадут на одежду.

Ну, вроде все, надо двигать, и так еле на ногах держусь от таких приключений. Тщательно вытерев «счастливый» ножик, сунул его в правый сапог. Попрыгал немного. Вроде нормально. Жилетка, рубашка, штаны — великоваты, но ничего страшного, все лучше, чем та мешковина. Цепочку засунул в один из кармашков на поясе.

Подхватил мешок — килограммов десять точно.

Сдохну, пока таскать буду... может, бросить? Нет: сколько смогу, столько и протащу. Теперь вопрос: куда идти? А чего тут думать? Налево; все нормальные мужики ходят налево, и я пойду.

Закинув мешок за спину, неторопливым, осторожным шагом побрел влево от стоянки.

Мне повезло, по оврагу обычно весной и осенью протекает ручей, а летом пересыхает. Идти по дну овражка было легко и приятно, и главное, как раз в выбранную сторону.

Чудесное избавление от опасностей, спасение от смерти, пыток и кое-чего похуже — радовало и воодушевляло меня. Я старался прислушиваться к тому, что творится вокруг. Примерно минут через двадцать перестал улавливать шум и крики, доносившиеся ранее со стоянки каравана.

Мне было жалко этих людей, хотя мы не были знакомы. Нет, малец, в теле которого я оказался, может, и знал... может, там даже были его родственники, но помочь им я ничем не мог. Адреналин уходил, а вместе с его уходом навалилась усталость и зверски хотелось есть.

Сколько я так еще смогу пройти? На песке остаются мои явные следы, и если среди тех уродов, что остались на стоянке, есть следопыт или кто-то вроде него, то мне не уйти. Будем надеяться, что эти звери сегодня упьются и что я не завалил какого-нибудь сынка вождя... а может, они вообще решат, что он сбежал. Должно же мне повезти, просто обязательно

должно. Честно: хочу жить и отомстить за те ужасы, что они творили.

— Клянусь, если выживу, то из этих ублюдков никто жить не будет! — Видимо, я так глубоко задумался, что начал проносить мысли вслух. Последнюю фразу я просто прокричал — и от этого очнулся и испугался. Выхватил тесак, остановился, прислушался. Никого. Слава богу, аккуратней надо.

Дорожка шла под уклон, а сверху с обеих сторон росли деревья, полностью скрывая своими ветками овражек. Темнота почти абсолютная, едва видно небо, которое в сравнении со стеной леса было светлее. Маленький рост в этот раз помогал мне. Расстояние до веток небольшое, иногда мне приходилось пригибаться. Даже для пигмеев-разбойников пройти здесь будет непросто.

Сколько я уже в пути — даже не знаю... устал сильно, живот прилип к хребту — так есть хочется, мешок просто неподъемный — плечи отваливаются, глаза слипаются — засну на ходу. Но я заставлял себя идти, понимая, что от этого зависит моя теперешняя жизнь. Заметил интересную закономерность — когда я очнулся под телегой второй раз, меня сильно донимала мошкара и комары, или что есть тут кровососущее. Когда подошла эта маленькая похотливая обезьяна, вся эта летающая бяка куда-то делась. И потом, в овражке, пока мы с ним мило общались, они тоже не докучали мне своим обществом. И вот иду я уже третий час, как минимум, а еще ни одна тварь меня не укусила, и животных в этом лесу как будто и нет. Странно. А ведь я очень боялся встречи с каким-нибудь представителем местной фауны из числа хищников, ведь ночь — это их любимое время.

Все, аллес, сейчас потеряю сознание и умру без всяких пыток. Надо присесть отдохнуть. Мне кажется или и правда стало светлее? Неужели утро, первое утро в этом мире?..

Остановился; меня раскачивало. Скинув с плеч лямки мешка, с облегчением вздохнул. Положил мешок на землю, из-за пояса достал топорики, кинул их около мешка, сел, прислонился к склону овражка и с наслаждением вытянул ноги. Немного подумав, скинул жилетку и снял сапоги. Хорошо! Неумолимо клонило в сон. Закинув сапоги за мешок, растянулся рядом. Укрылся жилеткой, голову — на мешок, благодать.

Спокойной ночи.

ГЛАВА 4

Спал как убитый. Проснулся — очень хотелось пить, есть — и наоборот. Отошел от стоянки, не надевая сапог. Сделал «наоборот». Вернулся и улегся обратно. Люблю думать лежа!

Проблема воды, я думаю, решаема: лес все-таки, вот с едой проблематичнее. Охотник из меня еще тот, грибов и ягод местных я не знаю, отравлюсь. Рыбалка — речки нет, да и снастей тоже. Искать выход к людям — но я совсем не знаю их языка. Прикинуться немым, а там подучиться? Не испугаются ли они моего внешнего вида — ведь прибьют ненароком, хотя одежда вполне цивильная. Может, и пронесет. Надо вставать — и в путь, куда-нибудь да выйдем. А тело, что мне досталось, неизбалованное: сколько всего вчера случилось, сколько ночью прошел — а с утра ничего не болит. Спортсмен, однако.

Влажно с утра в лесу, туман. Сколько я проспал, если он еще не разошелся? Часа три, не больше. Как тут распределяется время, сколько делятся сутки — разберемся после. Неактуально на данный момент.

Вставать не хочется, как подумаешь, что тащить этот мешок...

Опа, мой мешочек, давай-ка сюда: поглядим, насколько запаслив бывший хозяин. Сонливость как рукой сняло: может, и поест что найдется, но... только не мясо. Вскочил, достал мешок, заодно и сапоги. Развязал тесемки. Приступим!

Сначала вытащил старую рубаху, точнее — старое рубище, и получившиеся после укорачивания шорты. Не выкидывать же, ведь вдруг промокну, ну или на портянки пойдет. Что там дальше? Перевязь с метательными ножами — кстати, надо потренироваться с ними. Единственное, что мне доступно. Можно, конечно, попробовать метать и топорики, только, боюсь, сил не хватит.

Это что у нас? Ура, хлеб! Вынув из мешка, поднес к лицу, понюхал — пахнет восхитительно, пробуем! И я с наслаждением впился зубами в хрустящую корочку. Объедение как вкусно... но пить захотелось еще больше. Так, не отвлекаясь, можно одновременно и есть и работать. Что там у нас еще есть? Заглянул в мешок.

Фляга в кожаном переплете, литра на два: по-моему, из алюминия или серебра. Для алюминия слишком тяжеловата.

Что в ней? Открываем, нюхаем! То ли вино, то ли компот, то ли настойка. Интересно, алкогольная? Пить хотелось страшно, но и страшно было пить. Жажда победила. Кстати, фляга полная, под горлышко. Пробуем. Вкус как у молодого вина, причем ягодного. Делаем небольшой глоточек. Ждем. Пока закусим хлебом. А может, к хлебу там еще что есть? Заглянем.

Так книжечка, интересно... в сторону. Сверток, достаем. Цвет необычный, и материал чем-то на «болонью» похож. Разворачиваем. Неплохо: дождевик, плащ. В сторону.

Дальше — два кожаных мешочка: один черный, он побольше, второй коричневый, поменьше, но он потяжелее... Ну-ка, ну-ка, что здесь?.. Так завязали, что шиш развяжешь... Смотрим! Если я что и понимаю, то это местная денга. Размером с пятидесятикопеечную монету российской чеканки 2008 года. Красно-желтого цвета; если золото, то червонное, это уже серьезно.

Если я с этим маленьким, но тяжеленьким мешочком попадусь людям и не смогу доходчиво объяснить им, кто я такой, а я точно не смогу, потому что я для всех «немой» — меня грохнут. Печально, но вероятность, что так и будет, весьма велика. И сколько этот «Крез» успел нахапать, посчитаем? Расстелил перед собой старую рубаху, высыпал на нее содержимое кошелька: приступим. Неплохо, сто пятьдесят монет. Надеюсь, в этом мире золото тоже в цене. Ссыпаем обратно, завязываем, откладываем в сторону; следующий кошелечек.

Завязывали тоже крепко, на совесть, и что тут у нас? Недолго думая высыпал содержимое на рубаху. Ожидаемый набор грабителя. Кольца, серьги, цепочки, кулончики, камешки, подвески, диадемы. Очень интересно. Посмотрел на качество — китайский ширпотреб, металл вроде как золото, а исполнение отвратительное. Ну, может, это на мой вкус и по реалиям Земли, а здесь это произведение искусства? Надо было рассмотреть монеты... Ладно, потом. Сунул все обратно, отложил к первому кошельку.

Так, после глотка настойки ноги не протянул — значит, пить можно. Достал фляжку, сделал несколько глотков. Хорошо, жизнь налаживается... надо хлеба немного на потом оставить.

Что у нас дальше? Ура, запасная рубаха и панталоны, завернуты в полотнище — наверное, полотенце! В сторону. Ух ты, какая тросточка... длиной сантиметров двадцать пять, тол-

щиной три-четыре сантиметра, непонятная резьба по кости, а сверху набалдашник из крупного камня голубоватого цвета. Точно, топаз. Вот это, чувствуется, делал мастер. Красота! А это что за мешочек прикреплен проволочкой к трости, такой маленький, что сначала и не заметил? Открываем! Колечко белое с камушком, таким же, как на трости, металл интересный, белый, как будто платина. Какое красивое колечко; взрослому на мизинец, а мне и на средний подойдет.

Голова думает — руки делают! Не успел додумать, а кольцо уже на среднем пальце левой руки.

Вот тут меня и шарахнуло. С левой ладони вылетела яркая молния и бабахнула точно в голубой камень трости, в то же мгновение из камня прилетел ответ, правда молния была раза в три толще. Меня раз било током межфазным 270—380 вольт — в тот раз еле откачали. В этот раз откачивать меня было некому.

Я отключился.

ГЛАВА 5

День второй, третий, четвертый

Пробуждение в этот раз было просто кошмарным. Меня не просто мутило: не успел я открыть глаза, как тут же меня вывернуло, прямо на рубаху, в которую был одет. Голова раскалывалась, левую руку не чувствовал, все вокруг кружилось, как на карусели, тошнило и сильно хотелось в туалет по-маленькому.

Вспомнил младенческие годы. В общем, жаль, что на мне не было памперса. Печально, но факт. Ни встать, ни переодеться, ни просто переползти на чистое место. И самое смешное — заснуть не мог, и беспамятство, в отличие от прошлого раза, отказалось прибирать меня в свои нежные руки.

Почти двое суток бодрствования... ни попить, ни поесть, ни подгузники поменять, ничего. Я проклял все, я умирал. Даже думать ни о чем не мог, постоянная карусель перед глазами. Ничего уже не хотел, ни-че-го. К вечеру вторых суток немного полегчало, и я отрубился.

Сколько проспал, не знаю, проснулся — уже светло, солнце, или как тут его, в зените, жара неимоверная, смрад от меня дикий, во рту сушняк, есть хочу — не могу! Зато голова ясная,

мысли четкие, настроение превосходное, рука-виновница не болит, слушается, двигается: поднес к глазам, поизучал — все на месте, пальчики, ладошка целая, никаких следов молнии, никакого кольца, кожа чистая, мягкая, розовая, нежн... стоп, а кольцо-то где?

Резко сел, повернулся к мешку: трости нет... кошельки с деньгами и драгоценностями на месте, все на месте, а трости нет. Бред. Если бы тут кто-нибудь был, то меня бы, как и денег, точно бы уже не было... Спокойно. Может, у меня галлюцинации? А может, это оттого, чтопил настойку?

В прострации, минуты две пялился на руку, сжимал, разжимал пальцы, тряс рукой — эффекта ноль! Ни кольцо, ни трость не появились. Все, хватит, надо привести себя в порядок, переодеться, доесть хлеб, попить «любимой» настойки и идти решать животрепещущие вопросы. Все, в темпе!

Встал, снял грязные рубашку, штаны, панталоны. Небольшой ветерок приятно охлаждал обнаженное тело. Повернулся лицом к светилу, что проглядывало сквозь плотный саван переплетенных ветвей с густой листвой. Сейчас бы позагорать, а перед этим хорошенько выкупаться... По идее, ручеек, который здесь когда-то пробегал, должен привести к нормальной речке, реке или озеру, рано или поздно, но до воды доберусь. Конечно, лучше бы раньше. Нагнулся к мешку, достал оставшийся хлеб. Вкусно, но какой-то он черствый. Если хлеб успел так высушиться, то сколько же я тут провалялся? Сутки или двое? Вроде кажется, что двое. Если так, то, похоже, погони не было или она прошла стороной. Это хорошо! Мешок до конца так и не разобрал. Ничего нет хуже незавершенных дел, как любил говорить персонаж одного фильма. Взял плащ, отошел от загаженного места на пару шагов, развернул его и положил на песок. Не люблю я с голой задницей на песке валяться. Перекидал на дождевик вынутое из мешка барахло, в том числе и сам мешок. В руках оставил только фляжку. Какой приятный, неповторимый вкус... Не знаю: может, кому-то показалось бы, что дерьмо, а по мне так бальзам. Перевернув мешок, вытряхнул все содержимое на подстеленный плащ.

Заканчиваю осмотр. Кубик, со сторонами сантиметра четыре, какие-то иероглифы на каждой грани, а на одной — посередине дырочка, притом немного запачкана нагаром. Покатал его пальцами по плащу. В руки брать страшно — а вдруг бабахнет... Пока в сторону.

Котелок, небольшой — литра на три. Металл странный, коричневый: медь, бронза или еще что, по форме как бидончик, в детстве за молоком ходили с такими. Где-то крышка от него должна быть. Зуб даю.

Футлярчик, плотный и тяжеленький. Потряс немного, что-то стучается внутри. После колечка брать в руки что-либо страшновато. Попытался открыть. Тяну... Не тут-то было... а если в разные стороны повернуть? Щелчок, отбрасываю в сторону, сам валюсь в другую, закрывая руками голову, зажимаю глаза. Вроде тихо, ничего не шипит, не взрывается. Открываю глаза, смотрю: футляр разлетелся на две равные части и что-то из него вывалилось, в тряпочку замотанное. Встав на четвереньки, медленно приблизился к объекту. Аккуратно рукой касаюсь свертка. От напряжения противно дрожат руки. Разворачиваю. Чудненько! Такого я точно здесь увидеть не ожидал. Во всяком случае, в мешке этой странной обезьяны. Хотя, может, и не его это личная вещь, а трофей, ведь скольких людей они в том караване положили!.. Великолепно выполненные серебряные столовые приборы. Нож, вилка, ложка — полный комплект, только чайной не хватает. Украшенные завитушками, ручки массивные, позолоченные. Ложка большая, глубокая, больше наших столовых раза в полтора, вилка трезубая, зубья прямые, не изогнутые, нож острый, прямой, и зубчиков нет. Полюбовался ими. Да, это не ширпотреб китайского производства. Красиво! Умеют делать местные мастера. Складываем все обратно в футляр, предварительно завернув приборы во что-то типа салфетки. Положил рядом с котелком.

Что у нас дальше? Моток ниток... или это не нитки? — уж очень толстые: попытался разорвать — бесполезно, да и бесцветные они какие-то.

Коробочка небольшая, чуть больше спичечного коробка. Медленно открываем — иголки, несколько пуговиц. Взял в руки одну иголку — топорная работа, не скажу про качество изготовления, не специалист, но гнется и разгибается даже в моих руках. Кладем иголку на место, коробочку в котелок.

Что там еще? Кусок тонкой веревки или шпагата, метров тридцать, разматывать и проверять не стал. По качеству хороша, материал на шелк или капрон похож.

Перчатки из тонкой кожи, очень похожие на лайковые. Отлично, пригодятся!

И последнее: маленькая книжечка в кожаном переплете на завязке. Что мне понравилось — сделана как папка делопроизводства с тремя клапанами, закрывающаяся внахлест. Цвет ярко-красный, на лицевой стороне переплета блямба: вытесненная на коже башня на фоне темного неба. Впечатляет. Вспомнилось из детской классики: потяни за веревочку — дверь и откроется... Тяну аккуратно, теперь — после кольца с тростью, я даже на холодную воду дуть буду.

Звук пришел ниоткуда.

— Пшик!

Я даже испугаться не успел.

Сидел, смотрел, как из приоткрытого переплета книги быстро появился дым, даже туман... или пар, но не горячий. Словно загипнотизированный, я наблюдал, как это странная субстанция обволакивала меня: ощущение такое, как будто на тело мыльную пену нанесли.

А потом началась чертовщина.

В голове зашумело, кожу начало щипать, я бы сказал, разъедать, в горле стало горько, на вкус — будто съел свежий красный перец. Перед глазами появились неясные образы — страшные рожи показывали клыки и раскрывали рот, пытаюсь что-то сказать. Дышать было тяжело, как в парилке, когда заведатаи бани льют на раскаленные камни большое количество воды, чтобы пар выгнал из помещения всех недовольных новичков и не мешал им спокойно париться... но ты упорно сидишь и через не могу пытаешься удержать задницей место на верхней полке, дыша через раз.

Потекли ручьем слезы. Может, они у меня волшебные, но именно они, или мне так показалось, привели в чувство, очистили глаза, и я смог нормально видеть, а попав в рот — горечь заменили солью. Отпустило. Не скажу, что волосы стояли дыбом от страха: все произошло настолько быстро, что испугаться я и правда не успел, и только сейчас до меня начала доходить трагичность ситуации, ведь я только что чуть не сдох — меня тупо травили, как таракана. Вот от этих-то милых мыслей волосы начали совершать уже привычный подъем дыбом.

Лопух, баран, идиот! Как только ни костерил я себя; и плакал, плакал, плакал...

Куда меня занесло, что со мной? За неполные сутки, что я был в памяти, дважды меня хотели убить самым жутким образом и дважды я чуть не погиб из-за собственной глупости. Ку-

да я попал, кто эти жуткие создания, что как мясники рубили и резали людей? Да я за двадцать пять лет службы не видел столько людской крови, как за первые сутки здесь!..

Я упал на плащ и на некоторое время выпал из реальности. Сколько я проплакал — не знаю, но проснулся ночью от холода: все-таки спать на улице полностью раздетым и без покрывала — не очень хорошо. Скинув все вещи с плаща, завернулся в него и снова окупился в царство Морфея.

ГЛАВА 6

День пятый

Приятная свежесть летнего утра. Зябко поежившись, с головой завернулся в плащ. Где-то рядом птах поет серенаду своей избраннице. Хорошо, тепло; правда пахнет от меня... не очень и есть хочется! Пора вставать. Вот так я, человек земного двадцать первого века, испытывал удовольствие. Представляете — пенсионер, любитель диванов и мягких кресел, испытывал непередаваемое удовольствие, лежа на холодной жесткой земле. Что-то новенькое для меня. Это, наверное, память тела, ведь я не знаю, кем был малец, пока я не перебрался к нему, и самое главное — он не пытается вернуть тело себе. Если он еще здесь. Видно, сон на земле, одетым или укрытым, когда никто не отвлекает и не гоняет, доставляет телу, в сравнении с прежними ощущениями, явное удовольствие. Чего же он потерпелся, если такие минимальные удобства вызывают у него столь приятные эмоции?! Да лучше не знать... Хватит лирики, подъем!

Сборы много времени не заняли. Покидал барахло в мешок, особо осторожно обращался с непонятным кубиком и опасной книженцией. Уложил в мешок даже свои грязные вещи, ничего не бросил. Вместо кожаных штанов надел шорты, сделанные из остатков своих старых порток. Надел старую рубашку, а сверху жилетку. То еще чучело получилось. Рассовал все оружие, сильно намучился с перевязью метательных ножей. Никак не мог разобраться с этими тесемочками, чтобы разместить перевязь на левой части груди. Плюнул на все, достал нож и где обрезал, а где сшил нитками; среди иголок попались две неплохие, остальные гнулись.

Есть хотелось жутко, настойки во фляге — на доньшке, если сегодня не найду воду, будет печально. Раньше голодал часто, то в армии, бывало, то лечебное практиковал, но больше всего на зоне, тамошнюю баланду есть невозможно и для здоровья моего было опасно, тогда за полтора года сбросил около двадцати пяти кило. Так что на первом месте в списке вопросов выживания — поиск воды для питья и стирки. Ну а где вода — там и еда; может, с рыбалкой повезет, есть у меня мысли насчет того, где раздобыть снасть.

Потом надо найти то, чем можно разжигать огонь. Чувствую себя древним человеком, но трением добывать огонь что-то не хочется.

Туман рассеялся, пейзаж не изменился: местное светило сверху, земля под ногами, нерукотворный «шалаш» над головой, слегка душно, но не очень жарко. Мошку, комаров и других гнусов вижу, но, что характерно, ко мне ближе трех метров не подлетают. Тоже непонятка.

Нет, я не против, но слегка напрягает. Живность попала по дороге, но стоило приблизиться — и она как угорелая уметалась с дороги. Увы, в отличие от меня склоны оврага для нее преградой не являлись. Часа через два присел на отдых, скинул мешок, достал флягу, только поднес ко рту... и тут из-за поворота, что в метрах в двадцати от меня, вываливается кошка, нехилая такая кошечка, метра два в длину и в холке высотой со взрослого пятнистого дога; ну все, думаю, хана мне! Мадам меня увидела, мордой помотала, носом потянула, чихнула, подошла, метрах в пяти остановилась. И дальше, будто что-то ее не пускает или ей очень неприятно рядом со мной. Хвост вертится, как пропеллер, зубы скалит, рычит — и вдруг ни с того ни сего начала пятиться назад: уши прижаты, задом боится поворачиваться, так и пятилась до поворота, а потом прыжок вверх — и пропала. И что-то мне совсем расхотелось куда-то идти. И от безысходности заплакал, ничего с собой сделать не могу, на реакции детского тела влиять очень сложно, но я стараюсь. Успокоился через некоторое время, вытер рукавом слезы.

— Да, труден выбор: сидеть тут в страхе — помрешь от обезвоживания, идти дальше — сожрет ведь, гадина. Плачь не плачь — идти надо.

Отпил глоток из фляги и, озираясь по сторонам, двинулся в путь. Я предполагал, что тут хищников много, но между

предполагать и видеть своими глазами — пробасть. Мандражировал сильно, но пер вперед как танк. В одном месте, где среди веток верхнего «шалаша» имелась дырка, вылез из оврага на поверхность, посмотреть. Вокруг тайга не тайга, джунгли не джунгли, но точно не ухоженный лес в Германии: видимость — метров десять—пятнадцать, гулять по этому лесу смог бы только от безысходности. Деревья большие, стоящие близко друг к другу, обвитые лианами или плющом, зелень кругом, аж в глазах рябит от буйства красок цветов, плодов и пернатых.

Может, чего сорвать? И хочется и колется. Есть хочется, но проверять на себе, что можно есть, а что нельзя, не хотелось. Пока не помираю от голода, рисковать не буду. Спускаюсь вниз и двигаю дальше.

Перед самым закатом землю под ногами сменил песок, вскоре он перешел в гальку, начали попадаться средние и крупные камни, идти стало немного труднее. Не-э, классный мне парнишка попался, выносливый. Очень хотелось спать, но пить хотелось еще больше. Сапоги, доставшиеся от пигмеев, просто класс: легкие, удобные, правда, ноги в портянках немного взопрели, но примерно через каждые два часа я делал привал и отдыхал, скинув мешок и сапоги. Когда стало особенно жарко, поспал часа три, снова расстелив плащ и полностью раздевшись. И еще я на привале кидал метательные ножи. Какое качество у них — не знаю, не специалист. По форме похожи на рыбок, для меня тяжеловаты, но в руке лежат удобно, придавая чувство мнимой защищенности. Я что с ними никакой, что без них, но, держа их в руках, чувствовал себя увереннее. Глупо, наверное, выглядел со стороны, метая железки в песок, но я тренировался, а главное, отвлекался от мыслей о моем пребывании в этом мире и о самом этом мире.

При движении железо, что навешано на мне, ощутимо тянуло к земле, и мне приходили в голову умные мысли повыкидывать его к чертям собачьим, но жаба душила сильнее, не давая прислушаться к здравому смыслу. Хотелось есть, спать, но особенно хотелось пить. Начиналась жажда, меня шатало, я часто стал запинаться, все чаще делал небольшие остановки, чтобы отдышаться и отдохнуть, и все тяжелее было снова подняться и тронуться в путь.

Когда отчаяние когтями начало царапать душу, а я подумывал остановиться на ночевку и, пока еще светло, слазить на

поверхность, чтобы набрать, если найду, сочных плодов, мне послышался шум, очень похожий на шум горной реки, даже не шум, а отголосок. Подумал — глюки, но не остановился, как хотел, а побрел дальше. В лесу не бывает тишины: шум листвы, крики живности и птиц — все сливается в фон, долго прислушиваясь к которому, настолько привыкаешь, что уже не воспринимаешь его и для тебя наступает тишина; только если что-то вклинивается постороннее, пусть даже шорох, то сильно бьет по ушам. Поэтому, когда спустя минут двадцать (сложно ориентироваться во времени, не имея часов) я отчетливо услышал шум бегущей воды...

Остановился, прислушался и понял, что спасен. Вода! Где-то рядом текла вода. Сдержал первый порыв все побросать и броситься вперед, на поиск воды.

Я не бросил вещи, а продолжил движение в том же направлении. Идя по руслу ручья, все равно приду к воде, позже или раньше минут на пятнадцать—двадцать — какая разница... спешка погоды не сделает, а вот возвращаться потом за вещами, мягко говоря, не хотелось. Откуда появилось силы, не знаю, но пер, как бронепоезд, даже перестав смотреть по сторонам. А зря. Совсем забыл, что именно у рек чаще всего охотятся хищники, выслеживая добычу, спешащую на водопой. Вот и я несся на водопой, как та антилопа, не обращая внимания на то, что творится вокруг.

То ли меня толкнули, то ли сам споткнулся, но падал я громко, даже закричал от неожиданности. Перед самым падением сгруппировался: очень неудобно делать кувырок через голову, когда на спине немаленький в сравнении с твоим телом мешок. Перелетев с горем пополам через голову, по инерции с полметра пропахал ногами песок. Надо перевести дух, а то совсем умаялся. Посмотрел вперед — и обомлел. Так вот что меня толкнуло сзади, придавая скорости!.. Метрах в пяти от меня, так же пропахав лапами песок, неторопливо разворачивалась в мою сторону *зверюга*. С нашего бурого мишку ростом, но очень отощавшая. Пасть приоткрыта, язык вывален, слюна капает, глаза злые, дикие, шерсть дыбом, задние лапы поджимает — к прыжку готовится, вот-вот кинется... решила, гадина, себе неплохой ужин устроить! Ну, теперь точно все, мне нечего этому монстру предложить, кроме молодого сочного мяса. Схватился за топорик — да я его даже не докину. Засучил ногами, пытаюсь отползти. Пропахав задом песок,

спиной уперся в склон оврага. Вскочить и забраться наверх — нереально, с мешком за спиной, уставшему. И так из последних сил на ногах держался. Жалко, все усилия зря; вода — вот она, журчит совсем рядом. Столько напрасных усилий, для тела — физических, для моей души — моральных... Одно радует: не пла́чу, да и не тянет, приучаюсь понемногу держать эмоции в кулаке.

Зверю такое соседство сильно не нравится: нервничает, поскуливать начал, видно, что готов убежать, но проголодался, наверное, сильно; больной какой-то с виду, и голод толкает его напасть на непонятную жертву. Чего он так боится меня? Ведь перед ним маленький ребенок; ну, пахнет от меня не очень, но если бы я ел в последнее время, сейчас бы и не так воняло. Так и сидели друг против друга: я на заднице, с топориком в руках, с выпученными перепуганными глазами, и этот рыжий монстр, все никак не решивший, ужинать ему сегодня или побережь свою шкуру. Что его удерживало на месте, не знаю, но голод этот барьер снес: издав пронзительный крик, зверюга бросилась в атаку.

— Все, кранты, как же глупо! — выпустив из рук бесполезный топор, поджав ноги и вытянув вперед руки, как бы защищаясь, прокричал я.

Время растянулось, как в замедленном кино. Медленно, в прыжке, ко мне летел монстр: безумные голодные глаза, раскрытая пасть и зубы сантиметров по семь-восемь, а клыки и того больше, все пятнадцать будут.

В голове ясно, мозг работает, как компьютер; ни страха, ничего — сплошное безразличие и разве только сожаление, что так все быстро закончилось.

Внезапно перед глазами возник образ пропавшего жезла, или трости, как я его называл, такой же прекрасный: резная костяная рукоять и мерцающий божественный камень. Какой же он красивый! В мозгу слышалось: «*Позови! Позови!*»

Я отчетливо представил себе, что держу этого красавца в руках, и вдруг тяжесть неожиданно надавила на левую руку, на рефлекс сжал пальцы, ощущая приятную на ощупь резную рукоять. Перед глазами появилась яркая точка, которая двигалась вслед за взглядом, перемещаясь по предметам, куда он падал. Меж тем по-прежнему в замедленном темпе зверюшка пролетела уже половину расстояния, и мне так захотелось жить — яростно, дико! Я готов защищать себя любимого

голыми руками: это мы еще посмотрим, кто кого загрызет! Выплеснутая ярость как-то сама собой сконцентрировалась в левой руке. Кольцо! Я увидел пропавшее колечко на пальце левой руки, будто никуда и не исчезало; оно начало светиться, распространяя вокруг себя голубое сияние. По нервам вдарило, как электрическим током: «Опасность, максимальная опасность!» — и я вытянул руку в сторону монстра; яркая точка, направленная взглядом, как метка лазерного прицела, уперлась зверю точно в пасть. Я закричал: — Умри, сволочь! — всеми фибрами души желая разорвать его на куски.

Дада! Из набалдашника трости вырвалась печально знакомая молния, ударив точно в то место, где находилась точка. С вылетом молнии все вокруг потемнело, и я снова потерял сознание.

ГЛАВА 7

День шестой

Жажда, голод и переполненный мочевой пузырь. Вот основные средства, приводящие человека в чувство и заставляющие его двигаться. Я в очередной раз пришел в себя. Живой, неужто?! Лежать было очень некомфортно, необходимо устранить неприятные факторы: например, вытянуть ноги из-под лап мертвого монстра. Как обычно, в себя я прихожу по утрам: туман, влажно, но не холодно, слух ласкает журчание воды поблизости... и как я не описался под такой аккомпанемент? И пить, хочу пить.

С трудом выковыряв из плена зверюшки свои ноги, снял с плеч мешок, встал, пошатываясь, и с наслаждением помочился прямо на морду монстра.

Кайф! Двойное наслаждение.

Подхватив за лямки мешок, другой рукой подняв и засунув за пояс непонадобившийся томагавк, двинул на звук воды. Отойдя метра три, встал как вкопанный. Трость, где моя тросточка? Бросив мешок на землю, ринулся обратно. На месте нашей ночевки жезла не было. Я даже попытался перевернуть зверя, но не с моими силами и не в моем состоянии делать это. Жезла не нашел. К слову сказать, кольцо на пальце тоже пропало. Мистика!

Я живой? Да! Монстр один, мертвый? Да! Все сходится; а где же тогда орудие убийства? Вопрос! Исчезло, опять исчезло!

Постоял немного.

Ладно, потом разберусь...

Побрел к мешку. Ни фига себе, а мешок-то распорот! Если бы я тогда не споткнулся, такими коготками зверек мне бы голову точно отчекрыжил. Ледяные мурашки табуном пронесли по телу, меня передернуло. Надо бы монстрика осмотреть, но это позже — сначала *вода*, остальное потом. Вперед!

Метров через сорок, сразу за поворотом, открылась потрясающая по красоте картина. Небольшая лагуна, по-другому и не скажешь, распахивала свои руки вширь, предлагая себя в качестве приза за героизм, упрямство и мужество. Вот это награда!

Небольшой заливчик, образующийся в дельте устья ручья, мелкое песчаное дно, пляжик метров двадцать пять — тридцать в ширину, зажатый с обеих сторон невысокими скалами и поднимающийся в сторону леса небольшой дюной, наверху которой растет колючий кустарник. Саму речку не видно из-за скал, но шум ее отчетливо слышен. Скальные отвесы — с множеством небольших пещер. Лес со стороны оврага стоит стеной и кажется неприступной крепостью, непролазные, переплетенные между собой кусты, растущие на вершине дюны, возвышаются над пляжем на высоту человеческого роста; видимо, в сезон дождей находиться на пляже опасно, уровень реки поднимается изрядно. Со стороны скал участки поднявшейся дюны заросли травой, что образовала маленькую лужайку, украшенную цветами разных оттенков. Райское местечко, не хватает только водопада. Шикарно! Над водой ключьями висел туман, придавая этому месту неповторимый шарм. Красота!

Тихо, спешить не надо, крики ни к чему. Спокойно раздеваюсь, аккуратно складываю вещи,... и бросаюсь бегом в воду.

Ах, какое наслаждение! Водичка прозрачная, кристально чистая, пить много не надо, лопну... все, хватит. Заливчик мелкий, как раз для меня, камышей, водорослей и другой растительности нет, а вот еда имеется: речные моллюски, как их называют — не знаю, но таких же морских вроде мидиями кличут... или я что-то путаю. Но это потом. Надо помыться, постираться, или, во всяком случае, замочить грязную одеж-

ду, потом собрать моллюсков, сколько найду. Слышал, японцы их очень любят есть сырыми... или я опять путаю? Не важно, с голоду я сдохнуть себе не дам. Перевернувшись на спину, раскинувшись морской звездой на воде, смотрел в небо — голубое, с небольшими облачками разорванного тумана. Утро. Тепло. Светила еще не видно, а впереди день, жаркий.

Надо найти себе пещерку. Дел еще много. Ополоснулся, напился — пора заняться делами. В лес сходить, поискать орехи... кстати, кустарник, что растет рядом, может, это орешник и есть. Из веревки попробовать сделать силки — правда, как их делать, не знаю, не охотник я, не сталкивался с этим. Попробовать порыбачить. Эх, добыть бы как-нибудь огонь!..

Хватит, раз мечтался; вперед, за вещами, замочить их в воде, но так, чтобы течением не унесло — камнями прижать, что ли... потом постираю. За работу!

Вещи и мешок лежали метрах в десяти от воды. Пока купался — ничего, но стоило вылезти из воды, как местная бяка, состоящая из комаров, мошкары и еще чего-то, попыталась испить моей кровушки. Я был в шоке: сколько дней брел по лесу, вернее — по оврагу, так даже ночью не приставали, а тут стоило искупаться, и... Может, они к грязным и обделавшимся не пристают? Может, то амбре, которым несло от меня в последнее время, отпугивало всю маленькую и большую бяку — все-таки коша не напала, что-то ее испугало? А сейчас я помылся, и что? Все зверье с округи на меня накинется? Что-то не хочется постоянно ходить вонючим, как свинья, хотя животноводы считают, что хрюшки — самые чистоплотные животные. Надо с этим разбираться.

Я уже замечал по дороге, что гнус постоянно находился рядом, но ближе метров трех ко мне не подлетал. Так? Так! Дальше. Когда мошкара и другая братия от меня отстали в первый раз? Ну-ка, ну-ка!.. Когда меня нашел мелкий пигмей, вот; но точно сказать, в какой именно момент пропала мошка — когда он подошел или когда схватил меня за руки — убей, не помню, не до комаров было. Но точно с его появлением проблема гнуса меня больше не мучила; правда, тогда появилась проблема другого «гнуса», но я ее успешно решил весьма радикальным способом. Значит, существует какая-то вещица (я надеюсь на это, а то ходить и вонять как-то не очень), которая как отпугивает мошкару, комаров, гнуса, так и действует подобным образом на любую другую неразумную живность.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. МЕМУАРЫ ПОСЛЕ РОЖДЕНИЯ	5
Часть вторая. ВСЕ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ	218